

Материалы Самиздата

(Samizdat Materials)

Выпуск №12/75

21 марта 1975 г.

AC №

1871. А.Сахаров, "Открытое обращение" в защиту осужденного Михаила Хейфеца, (Москва), 14.9.74. (1 стр.)
 а. Анонимное сообщение о Михаиле Хейфеце и Ефиме Эткинде,.. вскоре после 25.4.74. (1 стр.)
1934. Запись процесса Михаила Хейфеца в Ленинграде 9-10 и 12-13 сентября 1974,.. вскоре после 13.9.74. (36 стр.)
2080. Вик. Соколов, Статья "Война против совести продолжается" о процессе Владимира Марамзина в Ленинграде 19-21.2.75, Ленинград-Москва, февраль-март 1975. (12 стр.)

ПОПРАВКА к АС №

2055. (Вып.11/75) Стр.20, абзац 2, строка 2, следует читать: "крайней".

Внимание: Прилагаемые документы размножаются для использования их штатными сотрудниками Радиостанции Свобода. Радиостанция Свобода намерена предоставить эти материалы для использования другим лицам по их просьбе при условии, что они предназначаются только для частной информации и использования. Во всех случаях пользование этими документами сопряжено со строгим соблюдением всех ограничений, помеченных на отдельных материалах.

Important Notice: The documents attached to this coversheet have been duplicated for the use of Radio Liberty staff members. Radio Liberty will consider making this material available as a courtesy to other professional users upon request on the specific understanding that it is for their personal information and use only. Receipt of these documents is conditioned in all cases by strict observance of any restrictions noted on individual items.

АС №1871. Андрей Сахаров, "Открытое обращение" в защиту осужденного Михаила Хейфца,
(Москва), 14.9.74.¹

ОТКРЫТОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Ленинградский городской суд /судья Карлов/ осудил на 4 года заключения строгого режима и 2 года ссылки историка и писателя Михаила Хейфца².

Хейфцу поставлено в вину составление предисловия к самиздатскому сборнику стихов Бродского и снакомление одного из друзей другой с футуристическим эссе Амандрика.³

Даже мы здесь, в Москве, невольно привыкли к многочисленным жестоким и необоснованным приговорам по политическим делам, поражающим чесоточным несоответствием сути дела и наказания.

Неужели через 10 лет после скандального процесса Бродского в 1964 году раздражение ленинградских властей против этого имени все еще столь велико, чтобы потребовалась новая жертва для удовлетворения их амбиций?

Или просто ленинградские органы госбезопасности и взаимодействующие с ними партийные органы /вспомним справку КГБ об Оркнинде на бланке райкома КПСС⁴/аждут громкого успеха на поприще борьбы с крамолой и потеряли поэтому чувство меры?

Во всяком случае, несомненно, что подобные бессмыслиценно жестокие репрессии плохо вяжутся с провозглашаемой Брежневым и Кошкиным политикой разрядки и подрывают доверие к искренности советской политики.

Я призываю всех честных людей во всем мире бороться за справедливый пересмотр дела Хейфца, за то, чтобы подобные процессы были невозможны ни у нас, ни в других странах.

14 сентября 1974 г.

Андрей Сахаров, академик

"Перепечатка с перепечатанной копии оригинала из АС.

1. Текст опубликован в газ. "Русская мысль", 30.10.74, когда идентичный текст см. в журн. "Хранители", 1974, №11:12-13; анексы выдержки см. Рейтер, 25.9.74.
2. О процессе см. АС №1934.
3. "Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?" - АС №857.
4. См. АС №1740:2-4.

АС №1871-а. Анонимное сообщение о Михаиле Хейфеце
и Ефиме Эткинде,
без места и даты, но вскоре после 25.4.74.

Михаил Рувимович Хейфец¹, род. 1934 г.

Окончил Литературный факультет Ленинградского педагогического института им. Герцена в 1955 г. Историк и писатель. Член группома литераторов. Автор нескольких сценариев. 1 апр. обыск. Изъят черновой набросок статьи, которая была сочтена предисловием к якобы подготавливающемуся собранию сочинений Бродского. Это единственное известное основание к аресту 22 апр. Незадолго до ареста написал письмо Яковлеву², статью которого критиковал с марксистских позиций.

25 апр. решением учебного совета Ленинградского педагогического института имени Герцена был уволен из института после 23 лет работы профессор Эткинд³. Ученый совет лишил его звания профессора. В тот же день он был исключен из Союза писателей. Имея место открытое участие КГБ - на заседании ученого совета и в Союзе писателей читалось письмо КГБ.⁴ Эткинду инкриминируется:

1. Личная связь с Солженицыным и Бродским.
2. Практическая помощь Солженицыну и Бродскому.

В настоящее время есть реальная угроза ареста.

*Перепечатка с фотокопии оригинала из АС.

1. М.Хейфец был осужден Ленгорсудом 13.9.74 на 4 г. лаг.стр. реж. + 2 г. ссылки, о нем см. "Хр." №32, АС №1757, 1871, 1984.
2. Н.Н. Яковлев, д-р ист.н., автор ст. "Продавшийся. О предательской деятельности А.Солженицына" в "Лит.газ.", 20.2.74.
3. Ефим Эткинд выехал из СССР в середине окт.1974.
4. См. "Хр." №32 и АС №1740.

АС №1934. Запись процесса Михаила Хейфеца в Ленинграде
9-10 и 12-13 сентября 1974,
без места и даты, но вероятно Ленинград,
скоро после 13.9.74.⁺¹

Судебное заседание 9 сентября 1974 г. по делу Хейфеца
Михаила Рувимовича, обвиняемого по ст. 70 ч.1

В зале человек 25 вместе с явившимися свидетелями. Не явились Емельянов, Е.Г.Эткинд ³/по болезни/, Рубашкин, Левитин и др. Называются фамилии явившихся: Стругацкий, Загреба, Филатов, М.Е.Эткинд и Воскобойников. Присутствующим свидетелям объявляют, что прийти они должны завтра в 11 часов утра и просят удалиться.

Установление личности обвиняемого: ФИО, возраст, национальность и т.д.

Судья: Как себя чувствуете?

Хейфец /с улыбкой/: Хорошо.

Судья	Карлов
Нар.заседатели	Косенко
	Карпов
Прокурор	Пономарев
Задачник	Зеркин
Эксперт	Малышева

⁺¹Перепечатка с перепечатанной копии оригинала из АС.

1. Допрос В.Марамзина (См. с.7-10 ниже) опубликован в журн. "Хроника защиты", №11, сент.-окт. 1974, с.13-16.
2. Обращение А.Сахарова в защ. М.Хейфеца см. АС №1871; краткую биографию Хейфеца см. АС №1871-а; о Хейфеце и "Деле №15" см. "Хр." №32.
3. Именной указатель к АС №1934 см. с.35 ниже.

Обвинительное заключение: Дело возбуждено 29 марта '74 г. ... будучи антисоветски настроен, с целью ослабления советской власти... занимался агитацией и распространением заведомо ложных... получил статью Амальрика "Присуществует ли Советский Союз до 1984 года?"¹, изготовил копии и хранил... /заседатель, который зачитывает обвинительное заключение, произносит все сверхархинграмотно, искаивает всякий раз фамилию Хейфеца, один раз на замечание отвечает: "Очень уж трудна", а Амальрика называет в лучшем случае "Эльмарик"/... в 1971 г. передавал для ознакомления... изготовил и хранил конспект книги "Смоленск при сов. власти"², хранил у себя на квартире и в журнале "Костер"³ /заседатель называет обвиняемого "Фельцман" - "очень уж трудно выговорить" /"Фейц"/... /Хец, Хес, Фесман/... "Хроника текущих событий" и "Смоленск..." ... переданы были Воскобойникову... изготовил статью "Иосиф Бродский и наше поколение", в которой - клевета... ознакомил с ней Емельянова и Воскобойникова, отдал Марамзину для изготовления и распространения... давал Левитину, Стругацкому, Филатову... пометки Эткинда в статье... в марте 74 г. передал Загребе книгу Амальрика.

На следствии: Признаете ли вы себя виновным? - Признаю себя виновным в том, что изготовил и хранил, но не с целью ослабления сов. власти. Не призывал, не агитировал. Цель - познавательная, знакомил только хорошо знакомых людей. Я антисоветски настроен, но не призывал... В своей статье вместе с другими измышлениями и - "звание советского гражданина позорно", "Советский Союз превратился в предмет ненависти" /Чехословакия/... Емельянов, Воскобойников предлагали исключить антисоветчину из статьи... Хейфец дал на предварительном следствии откровенные показания, чем активно способствовал установлению истины..

30 августа было постановление о предании суду.

- Признаете ли себя виновным?
- Не признаю полностью.
- В чем?

1. См. АС №357.

2. Кн. амер.историка Мерла Файнсода (Merle Fainsod) "Smolensk Under Soviet Rule", Harvard Univ. Press, 1958.

3. Ежемес. дет. журн. ЦК ВЛКСМ, Центр.совета Всесоюз.пионерской организации и СП СССР.

- Признаю, что все эпизоды действительны, но не вижу в них нарушения ст.70, т.к., совершая все эти эпизоды, я не преследовал приписываемой мне цели. В этих действиях нет состава преступления, не было умысла на подрыв и ослабление сов. власти.

Решают выслушать сначала обвиняемого.

Хейфец: Граждане судьи! Вам сложно поверить мне. Я не выворачиваюсь, это не прием, я так считаю! С одной стороны вы, с другой - я, человек, который признает себя инакомыслящим, литератор, разность языков и пр. Я считаю - это правда так! - что произошла следственная ошибка и еще раз повторяю: все эпизоды действительны, но цель не та!

О моей статье: летом 1973 г. Владимир Марамзин, собиравший академическое собрание сочинений И.Бродского, предложил мне написать статью для этого собрания. Точно ничего о будущей судьбе этой статьи я не знал. Тогда не было мысли, что статья будет политической. Летом я получал от Марамзина тома сочинений Бродского /солдат-конвоир делает Хейфецу замечание - тот слишком жестикулирует/, мне не хватило материала для чисто литературоведческого анализа. Сам я статьей был глубоко неудовлетворен: политика задавила литературу. Я хотел посоветоваться - а не пускать в Самиздат. Выбрал своего друга и соседа Емельянова /литературовед, член КПСС/. Тот - резко против, советовал выбросить, говорил дословно, что "политика, как кила, выпирает". Я согласился. Но ведь там дело не в одной фразе, а в концепции. Надо было заменить литературоведческой конструкцией. Емельянов не знал Бродского. Поэтому я показал другому коммунисту - Воскобойникову. И он - против политики. Дал прочесть Марамзину, он через месяц вернулся. Я сказал ему, что я хочу переделать. Взял том Бродского и уехал с надеждой переработать. Но ничего не выходило. Попросил М.Григ. Рольникайте прочесть - она советов не дала, а - "не надо такое писать". Через дочь¹ передал статью Эткинду как крупному специалисту по поэзии, знатоку Бродского. Получил от него письменную рецензию: "Раздел политический не верен по фактам". Узнал от него, Эткинда, что Марамзин заказал другую статью. Я и положил в стол. Показывал Стругацкому, Леви-

1. Мария Ефимовна Эткинд.

тину, Филатову. Понял после советов свою методологическую ошибку. Показывал не с целью агитировать. Пытался понять свою ошибку и ее исправить. Сам отказался от распространения.

Теперь о хранившемся у меня Самиздате. Статья Григоренко - 1967 г.¹, Беликова /письмо/ - 1967 г.², "Хроника" - 1968 г., Амальрик - 69 г.... Вот таков этот "громадный" запас Самиздата. С лета 70 г. я порвал с Самиздатом и хранил вовсе не с целью распространения. Все три эпизода передачи этих изданий случайны. Я не согласен с теми взглядами, что в этих сочинениях. Загребе я дал не три, а 15, там есть и такие, которые "за", и такие, которые "против".

Я не антисоветски настроен. Я - инакомыслящий. Тут недостаток юридической терминологии. Леонид Ильич Брежнев на съезде комсомола употребил выражение "заблудшие души"³. Я выступал против отдельных частных решений тех или иных вопросов.

- От кого получили Амальрика "... до 1984 г."?

- От Пинскера.

- Сколько экземпляров?

- Один.

- Сколько отпечатали, на чем?

- На "Оптиме", два.

- Какова политическая направленность этого произведения?

/долгая возня с этим вопросом, каждый раз, как Хейфец начинает рассуждать о произведении, его прерывают и требуют точно сформулированной оценки/.

- Ну, это интересное произведение инакомыслящего человека.

"Смоленск при советской власти" Ф-да переписал от руки...

Вопросы судьи: Кому, что и когда передавали? О статье самого Хейфеца - где вы ее взяли? /?!/? Кому давали? Кто эти названные вами люди? Конкретно - кто друзья?? Ответ - все. Почему в показаниях на следствии /в признании вины/ есть слово "антисоветский", а здесь - отказываетесь?

Ответ: Я делал приписку к первому протоколу допроса, делал заявление следователю, подавал письменное заявление, т.е.

1. М.б. имеется в виду АС №157 - его письмо от окт. 1967 в журн. "Вопросы истории КПСС".
2. М.б. имеется в виду АС №169 - его письмо от 20.6.68 в Союз писателей СССР.
3. Так в получ. копии; правильно: "заблудшие люди" (см. речь Брежнева на 17 съезде ВЛКСМ в "Правде", 24.4.74).

трижды в следствии заявлял, что я не антисоветски настроенный человек. Может быть, это моя юридическая неграмотность и надо было делать как-то по-другому, но ведь трижды.

Прокурор: У обвинения с вами расхождения по существу - об оценке действий. Почему родилась такая статья?

Хейфец: Инакомыслие. Не был согласен со вторжением в Чехословакию, эта мысль сидела, сидела и - выскочила...

Прокурор: А как объяснить, что звание гражданина СССР - клеймо, СССР - предмет ненависти, - это все сказано в вашей статье?

Хейфец: Но ведь я не пустил статью в обращение!

Прокурор: Родственникам - и то нельзя! А что вам сказали те, кого вы сейчас назвали /всех/ друзьями?? А что сказал Стругацкий? Он сказал: "Тебя посадят и по семидесятой статье!" А вы никого не послушали. Зачем?

Хейфец: Я их спрашивал, как исправить. Они по сути провели профилактику, если б не это, может быть, статья пошла бы по стране, в зарубежные "голоса" и т.п.

Прокурор: Понимали ли вы сами, что она антисоветская?

Хейфец: Не совсем.

Прокурор: А изменилась ли она? Осталась ли она антисоветской?

Хейфец: Инакомысящей.

Прокурор: Но ее читали 13 человек!

Хейфец: 13 человек, которые не пропагандировали и не агитировали!

Прокурор: Нет, это и была антисоветская пропаганда и агитация, причем настойчивая!

Хейфец: Категорически не согласен, целью показа статьи было ее исправление!

Прокурор: Да, Самиздат у вас старый, но распространяли его в 70-х гг. Признаете ли, что распространяли и что это носило характер антисоветской агитации и пропаганды?

Адвокат /обращаясь к Хейфецу/: Мне неясна ваша мысль. Да, это и есть агитация и пропаганда, но за что, чего вы хотели?

Вы говорите, не было этого, но это было, и меня интересует цель.

Хейфец: Исправить статью - во-первых. О Самиздате - я всегда хотел получать информацию.

Адвокат: Но вы перестали собирать Самиздат. Так вот, почему прекратилась эта любовь к познанию?

Хейфец: Я литератор. Моя тема - общественное движение 70-80-х гг. XIX века /судья переспрашивает: Какого, какого века?/. Отличие историка и литератора - литератор пользуется живой жизнью. Я собирал в этом смысле и Самиздат: например, Белинков с его зоологической просто ненавистью к советскому строю интересовал меня как тип. Вот такие нужные мне вещи я и собирал.

/Судья: Чего же вы там собирали?!/ Вот я и говорю: Белинков, в "Хронике текущих событий" меня интересовали славянофильские мысли и т.п. К 70-му году у меня было достаточно материала, интерес пропал.

Адвокат просит рассказать о литературной деятельности, что и когда писалось и печаталось. Хейфец называет все свои работы, в том числе об Александре Ильиче Ульянове.¹

Адвокат: Как Марамзин отнесся к вашей статье?

Хейфец: Отрицательно.

Адвокат: Почему он поручил статью другому?

Хейфец: Понял, очевидно, что я не справился.

Адвокат: Интересуется Амальриком, Фейнсодом /автор книги "Смоленск..."/.

Хейфец: Книга Фейнсса цитируется в наших изданиях.

П Е Р Е Р Ы В

Прокурор: Раз такой профессиональный интерес, так и держали бы Самиздат у себя, зачем распространять? Для чего?

Хейфец: Во всяком случае, не с целью агитировать. Ведь я давал читать и взаимопротивоположные документы: вот, мол, какие бывают точки зрения.

1. См. с.24 ниже.

Прокурор: Как вы относитесь к тому, что совершили?

Хейфец: Сугубо отрицательно. Сейчас бы ничего этого не сделал.

Судья: Почему вдруг так созрели?

Хейфец: До этого не понимал.

Судья: Кто из читавших статью говорил вам о ней отрицательно?

Хейфец: Все.

Судья: Почему не прислушались?

Хейфец: Я как раз прислушался, иначе мое положение сейчас было бы хуже. Это же черновик, я ведь пробовал исправить!

Судья: Что сказал вам Пинскер, передавая Амальрика?

Хейфец: Вот, возьми почитай. Весь мой самиздат от него.

Судья: И все-таки снова задаю вопрос о политической направленности этой книги, что же тогда, по-вашему, антисоветское?

Хейфец: Антисоветское - например, Беликов. Или мой сосед по камере Васильев¹, которого вы недавно судили и который изготавлял листовки, Книга Амальрика - о войне с Китаем...

Судья: Как относитесь к тому, что произошло?

Хейфец: Не предполагал, не повторил бы.

Судья: Какая у вас квартира? Зарплата ваша? Жены?²

Хейфец: 37 метров, кооперативная, я зарабатываю в среднем 130-140 рублей в месяц, жена - преподаватель хорового дирижирования.

Судья: Так вы литератор или писатель? /Перед этим Хейфец сказал, что он не член Союза писателей, но состоит в проф. организации литераторов/. Так вы - литератор, Федот, да не тот!

П Е Р Е Р В

/с 13 до 15 часов/

После перерыва привозят Владимира Марамзина, который сам находится под следствием.

1. М.б. А.Васильев, псевд. Александра Болонкина, арестованного в Москве 21.9.72 и осужденного 23.11.73 (см. "Хр." №№89, 80), хозяй "Хр." №82 (от 17.7.74) сообщает о приведении Болонкина в Морд.лаг. учр. № 385/17; Васильев-Болонкин - автор АС №№1670 и 1671 (см. АС №1820:8).

2. Раиса Владимировна Глаголева. З. О его процессе 19-21.2.75 см. АС №2080.

Вопросы, устанавливающие личность свидетеля. Марамзин: Да, вы правильно произнесли, Марамзин Владимир Рафаилович... и т.д.

- Какие у вас отношения с обвиняемым?

- Хорошие, нормальные.

Марамзин заявляет об отказе от дачи показаний. Сначала его предупреждают по форме об ответственности за дачу ложных показаний - от 2 до 7 лет и за отказ от показаний - до 7 лет.

Марамзин: Я хотел бы услышать по отдельности об ответственности за отказ. Мне говорили, что это - до полугода исправительно-трудовых работ.

Судья: Кто вам говорил?! До семи лет.

Марамзин: Я отказываюсь давать показания.

Судья: Чем мотивируете?

Марамзин: Я в сложном положении: я сам обвиняемый, нахожусь под следствием, у меня не очень хорошая память на факты, из показаний Хейфеца, с которыми меня знакомили, я убедился, что мы с Михаилом Рувимовичем по-разному помним одни и те же вещи. Он имеет юридическую помощь, я нет. Я боюсь за свою участь, это естественно.

Прокурор: Я все же хотел бы задать пару вопросов. Думаю, что Марамзин просто не хочет давать показания, ведь ответственность он несет только за заведомо ложные. Попробуйте все же ответить мне. Знаете ли вы что-либо о статье Хейфеца и что?

Марамзин: Я действительно давал об этом показания на своем следствии и все сказал там. Майор Рябчук¹ мне не доверяет, называет меня "ВРАЖИНА".

Прокурор: Вы просто не хотите давать показания!!!

Марамзин: Нет, я просто опасаюсь за свою участь.

Прокурор: Тогда у меня вопрос Хейфецу: при каких обстоятельствах написана статья?

Хейфец - повторяет все.

Прокурор: Хотите что-либо сказать, Марамзин?

Марамзин: Я помню это не так. Хейфец при встрече рассказывал 1. Виталий Н., вел следствие по "Делу №15" (см. "Хр." №32).

мне, как относится к стихам Бродского, там были интересные мысли по поводу Державина и пр. Я сказал, что вот хорошо бы это и записать. Не помню, чтобы речь шла о предисловии, не говорил, прочитав, что там политические мотивы.

Прокурор: В каком виде была статья?

Марамзин: Напечатана на машинке, но имела вид черновика.

Прокурор: Вы высказывали Хейфецу недовольство статьей?

Марамзин: Редко виделся, не помню, но что-то говорил, некоторое недоумение.

Прокурор: Просили кого-нибудь еще написать статью?

Марамзин: Я и Хейфеца не просил, я собирал написанное.

Адвокат: Вы хотели издать Бродского? Нужно ли было предисловие?

Марамзин: Я собирал все Бродского и о Бродском. При обыске у меня изъяли предисловие от составителя, мое - вот это и есть единственное предисловие.

Адвокат: Были ли еще статьи?

Марамзин: Была статья о русской поэзии вообще, в том числе о Бродском.

Адвокат: А еще были?

Марамзин: Да и не нужно было.

Адвокат: А с какой целью Хейфец дал вам читать статью?

Марамзин: Как знатоку Бродского. А инициатива исходила от меня.

Адвокат: Значит, он начал писать по вашей инициативе?

Марамзин: Да.

Адвокат: А почему вернули статью Хейфецу?

Марамзин: По его просьбе.

Адвокат: Высказывали ли свое отношение к его статье?

Марамзин: Да, но не о политической стороне.

Адвокат: Что можете сказать о статье?

Марамзин: Вообще читаю выборочно, то, что мне интересно.

Могу сказать, что в статье обнаружил тогда ложную мысль - делать Бродского представителем поколения.

Адвокат: Можно ли считать, что факт возвращения статьи Хейфецу свидетельствовал о непригодности для Самиздата?

Марамзин: Я в Самиздате ничего не издаю.

Вопрос Хейфецу о второй статье о Бродском.

Хейфец: От Эткинда мне стало известно о статье с подписью "Егор Кирк". Тогда я решил, что это вместо моей. Мне показали эту статью на следствии и сказали, что она изъята у Марамзина.

Адвокат: Значит, одна статья была заменена другой?

Хейфец: Я не могу так сказать.

Судья: Вы проработали статью?

Марамзин: Прочитал, но не проработал.

Судья: Как вы ее оцените?

Марамзин: Она была похожа на школьный учебник литературы. Но я не очень хорошо помню ее, у меня избирательная память.

Судья: Что это еще за избирательная память?! Звонили ли за рубеж?

Марамзин: Да.

Судья: Когда?

Марамзин: В день обыска¹.

Судья: В какие страны, чем?

Марамзин: Франция, США. Вот я рассказал про статью и не хотел бы более отвечать на вопросы.

Судья: Мы не дети! Это не детский сад! А еще институты кончаете!!!

Конец заседания.

1. 1.4.74 (см. АС №1967).

Продолжение заседания - 10 сентября 1974 года

Свидетели Загреба В.А., Стругацкий Б.Н., Стругацкая А.А.,
Воскобойников В.М., Филатов Ю.П.

Свидетель Загреба

Судья: Были ли к вам вопросы на предварительном следствии?

Загреба: Да.

Судья: Что вам известно по настоящему делу?

Загреба: С Хейфецем я познакомился где-то за две недели до обыска у меня, познакомился в доме у моих знакомых. У нас было две-три встречи, в одну из них он передал мне свою медицинскую статью и некоторые материалы, вот, собственно, и вся легенда этих отношений, потом было предварительное следствие.

Судья: Знаете ли подсудимого?

Загреба: Если считать 4-5 сеансов знакомством, то знаю.

Судья: Ну, вот и расскажите о ваших сеансах.

Загреба: Они носили эпизодический, незапланированный характер, иногда это было 4-5 фраз.

Судья: Чем начинали и чем кончали?

Загреба: Начинали "здравствуйте", кончали "до свидания".

Один сеанс был более продолжительным - где речь шла о медицинской статье.

Судья: Передавал ли вам подсудимый материалы? Какие? Когда?

Загреба: Да, где-то в конце марта этого года, папку с какими-то материалами, с которыми я не успел познакомиться.

Судья: Какие материалы? Назовите.

Загреба: Медицинская статья, статья Домбровского, письмо по поводу молодых прозаиков, показавшееся мне крайне неприятным.

Судья: Бывали ли на квартире подсудимого?

Загреба: Один-два раза.

Судья: Получали ли от него "Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?" Амальрика?

Загреба: Не помню, было ли это в папке, так как так и не успел ознакомиться.

Судья: А "Хронику текущих событий"?

Загреба: Тоже не помню.

Судья: А Фейнсона "Смоленск в годы сов. власти"?

Загреба: Не помню.

Судья: А как передавались документы? В папке? В закрытом виде?

Загреба: По-моему, да. Это было не так важно, я не обращал внимания.

Судья: Почему?

Загреба: Не имело значения.

Судья: /Хейфец/: Какие передавали документы?

Хейфец: Все не помню, но конкретно все упомянутые вами были там.

Судья: А зачем передавали?

Хейфец: Это было очень случайно, при второй встрече. Во время первой говорили о медицинских статьях, я предложил Загребе соавторство, дал свою статью, чтобы познакомить его с тем, как я пишу о медицине. При этом из ящика стола вывалился Самиздат, мне показалось, что Владимиру Алексеевичу это интересно, я сам отобрал материалы, какие - он не знал. Это вышло случайно и непреднамеренно.

Судья: Сколько они у него были?

Хейфец: Видимо, неделю. Как я понял по материалам следствия, они были им уничтожены. Документы там были прямо противоположного характера, никакой цели пропаганды не было.

Судья: Он просил вас дать их ему?

Хейфец: Нет, я увидел по глазам, что ему интересно, и дал.

Судья: Вы что, имеете медицинское образование?

Хейфец: Нет, но это та сфера, которая меня интересует, как писателя /называет две свои напечатанные статьи/.

Судья: Как же вы, не зная медицины, пишете на эти темы?

Хейфец: Я беру в соавторы врачей, беру у них интервью.

Судья: Это что же, плагиат выходит? Присваиваете их труды?

Хейфец объясняет еще раз, подробнее.

Судья: Значит, пользуетесь данными людей знающих. /Обращаясь к Загребе/ Слышали показания Хейфеца? Все правильно?

Загреба: Абсолютно.

Судья: Знакомились ли с материалами в папке?

Загреба: Первый же из них показался мне настолько омерзительным...

Заседатель: Это был действительно антисоветский материал?

Загреба: Да, это было письмо в ЦК КПСС трех авторов, антисемитский и антисоветский документ.

Прокурор: Знакомились ли со статьей "Иосиф Бродский и наше поколение"?

Загреба: Да, одним глазом проглядел, будучи у моих друзей, живущих в одном доме с Хейфецем.

Прокурор /Хейфецу/: Не могли бы вы все же более вразумительно, вы извините меня, объяснить, почему вы дали эти материалы Загребе?

Хейфец: Перед этим у нас с ним был разговор, он сказал, что в нашем споре с Эткиндом он на стороне Эткинда, из этого я понял, что статью мою он знает, почувствовал доверие, потому и дал.

Адвокат /Хейфецу/: То есть статью и рецензию Эткинда вы сами Загребе не давали?

Хейфец: Нет.

Судья /Хейфецу/: А кому передавали статью?

Хейфец: Марии Ефимовне Эткинд с тем, чтобы она передала отцу.

Адвокат /Загребе/: Вы прочли только статью?

Загреба: Да, взяв ее в столе у Марии Ефимовны, Рецензию не читал.

Адвокат: Были ли у вас с Хейфецем какие-либо политические разговоры?

Загреба: Нет.

Адвокат: Успели ли прочесть те материалы, что были в папке?

Загреба: Нет, не в курсе даже, что там еще было.

Судья: Есть еще вопросы к свидетелю? Нет? Садитесь.

Вызывается свидетель Стругацкий Борис Натанович

Судья: Что вам известно по настоящему делу?

Стругацкий: Прошу задавать конкретные вопросы. /Препирательство с судьей по этому поводу, пока судья не задает вопрос--знаете ли вы подсудимого?/ Давно, лет десять, познакомились в Доме писателей, дружеские отношения, считал его всегда талантливым писателем, с удовольствием читал, знаю как хорошего и честного человека, прекрасного семьянина.

Судья: Когда и как прочли его статью о Бродском?

Стругацкий: Как-то зимой 74 года он пришел ко мне и дал прочесть, я прочел при нем же.

Судья: Он пришел к вам и сам принес?

Стругацкий: Да.

Судья: Что сказал при этом?

Стругацкий: Что написал статью для какого-то сборника о Бродском. Он обычно приносил мне все написанное, это не было чем-то особенным.

Судья: Что можете сказать о статье?

Стругацкий: Она мне, собственно, не понравилась. Показалась скучной, я плохо разбираюсь в поэзии, это я ему и сказал.

Судья: Почему не понравилась?

Стругацкий: Просто показалась неинтересной, возможно, дело в том, что это был еще черновик, возможно, в той беглости, с какой я прочел...

Судья: Что сказали ему, когда прочли?

Стругацкий: Не помню точно, всегда трудно говорить что-то автору, если не понравилось...

Судья: И все-таки?

Стругацкий: На предварительном следствии меня познакомили с показаниями Хейфеца о том, что я сказал ему: "Миша, тебя посадят". Может быть и так, но не так буквально. Возможно, я имел в виду печатание статьи за границей.

Судья: Значит, вы сказали "посадят"?

Стругацкий: Не нужно понимать так буквально. Я могу сказать другу, берущему у меня книгу: "Не вернешь в понедельник - убью", это ведь не значит, что действительно убью. Правда, теперь я вижу, что не очень преувеличил...

Судья: Что же вы все-таки имели в виду, говоря эти слова?

Стругацкий: Что это может случиться, если статья будет опубликована за границей.

Заседатель: А откуда эта мысль про заграницу?

Стругацкий: Он мне сказал.

Прокурор: Что вы говорили на очной ставке с Хейфецем?

Стругацкий: То же самое.

Прокурор: Не совсем. Ну, а что породило все же ваше "предувеличение" - "тебя посадят"? Ведь вы говорили о "статье 70"?

Стругацкий: Я говорил это, помнится, после обыска, когда у Хейфеца был изъят Самиздат. Про обыск он мне рассказал.

Прокурор: Что же породило "посадят"?

Стругацкий: Если речь идет о статье, то я думал о том, что публикация за границей неопубликованных у нас произведений не одобряется.

Прокурор: А по содержанию самой статьи? Что вы говорили на предварительном следствии?

Стругацкий: Что статья мне не понравилась, что местами кажется мне злой, ибо Хейфец беспощаден к людям, виновным в судьбе Бродского, что она слишком заострена...

Прокурор: Говорили, что статья антисоветская?

Стругацкий: Нет, не могу взять на себя ответственность решать такое.

Прокурор: И на очной ставке не говорили? Нет? Категорически?

Стругацкий: Нет.

Прокурор: У меня к этому свидетелю пока вопросов нет.

Судья /Хейфецу/: Было ли сказано "посадят"?

Хейфец подтверждает слова Стругацкого, о "статье 70" говорилось после обыска.

Адвокат /Стругацкому/: Все эти 10 лет с какой целью Хейфец носил вам свои работы?

Стругацкий: Услышать совет, мнение.

Адвокат: А эту статью?

Стругацкий: Полагаю, с той же целью.

Адвокат: Как он отнесся к вашей оценке? Доказывал свое? Отстаивал?

Стругацкий: Нет, нет. Принял критику доброжелательно, не в штыки, не отстаивал.

Адвокат: Шла ли речь о публикации за рубежом?

Стругацкий: Да, так он мне сказал.

Адвокат: Почему же статья не увидела свет?

Стругацкий: Думаю, что Хейфец прислушался к критике, она как-то подействовала на него.

Адвокат: За эти 10 лет беседовали ли о политике?

Стругацкий: Думаю, что да, но это не было главным в нашем общении. Больше о литературе.

Адвокат: Если такие беседы на политические темы бывали, то каков настрой Хейфеца?

Стругацкий: Он настроен политически как подавляющее большинство наших граждан.

Адвокат: Антисоветски?

Стругацкий: Ни в коем случае!

Хейфец /Стругацкому/: Борис, уверен ли ты, что разговор о загранице был в тот вечер, а не после обыска?

Стругацкий: Не могу сказать точно.

Хейфец: Было ли сказано "посадят"? Я, помнишь, был настроен оптимистически, ты же сказал "чистая семидесятая". Не помнишь ли, что сказал о посадке тогда?

Стругацкий: Совсем не помню.

Хейфец: Мне помнится, что разговор о загранице происходил после обыска, когда из беседы со следователем я понял, что КГБ полагает, что это предназначалось для опубликования за границей.

Стругацкий: Я этого разговора не помню, но когда я говорил о статье 70, я вообще не имел в виду Бродского, а Самиздат.

Прокурор /Хейфецу/: А где вы собирались публиковать статью за границей?

Хейфец: Я не собирался, услышал об этом от КГБ.

Прокурор /Стругацкому/: Вернемся к вопросу об оценке этой статьи, данной вами на очной ставке с Хейфецем 25 июля 74 г.: "После прочтения статьи я понял, что она имеет антисоветский характер, и в связи с этим сказал..." /судья смотрит дело, зачитывает это же место/.

Стругацкий: Думаю, что такого рода запись могла появиться, потому что я был утомлен. Помню случаи, когда мне удавалось просить следователя, чтобы он не писал слово "антисоветский", здесь я, очевидно, проморгал.

Прокурор: Но ведь вы не ошиблись!

Стругацкий: Я профессионалом в политических оценках себя не считаю. Видно, пропустил это место при чтении протокола.

Судья: Подпись ваша есть, никаких заявлений вы не делали.

Стругацкий: Промах.

Прокурор: Что же это?! Это означает, что внутренне вы так и считаете, но полагаете, что на следствии так говорить не надо.

Стругацкий: Нет, это не так.

Прокурор: А Хейфецу как говорили?

Стругацкий: Ему я слова "антисоветский" не говорил.

Прокурор: Вы грамотный человек, работник идеологического Фронта! Позиция ваша мне понятна!

Адвокат: А мне не понятна! Что вы имели в виду, когда говорили "посадят"?

Стругацкий: Говоря это, я не имел в виду содержания статьи вообще! Только случай опубликования за границей.

Адвокат: Только это?

Стругацкий: Думаю, да.

Вызывается свидетельница Стругацкая Аделаида

Судья: Что вам известно по настоящему делу?

Стругацкая: Я не знаю, что я должна говорить?

Судья: Какие вы все непонятливые! Когда познакомились с Хейфецем? Какие отношения? Охарактеризуйте.

Стругацкая: Отношения приятельские, хотя виделись редко.
Человек интересный.

Судья: Читали ли его рукопись?

Стругацкая: Да, названия не знаю, о поэзии Бродского.

Судья: Одна читали или с кем-нибудь?

Стругацкая: С мужем.

Судья: Когда?

Стругацкая: Зимой.

Судья: Кто принес?

Стругацкая: Михаил Рувимович.

Судья: Что сказал, принеся?

Стругацкая: Не помню.

Судья: Читали?

Стругацкая: Просмотрела.

Судья: Какие сделали выводы?

Стругацкая: Никаких.

Судья: А на предварительном следствии что показали?

Стругацкая: Что мне не понравилась статья.

Судья: Почему?

Стругацкая: Больше люблю читать поэзию, чем статьи о ней.

Судья: зачитывает показания А.Стругацкой на предварительном следствии. Стругацкая требует прочесть примечание; когда судья читает место со словами "антисоветская направленность",

Стругацкая: Сожалею, что не попросила следователя вычеркнуть эту формулировку.

Судья: А чего же расписывались? Вас ведь предупреждали об ответственности?

Стругацкая: Стала писать примечание о другом, а это пропустила.

Судья: Как часто Хейфец бывал у вас и почему принес статью?

Стругацкая: Литературные дела с мужем.

Судья: Не говорил ли муж "посадят"?

Стругацкая: Я при этом не была.

Судья /из показаний А.Стр-й/: "Не помню, но допускаю, что муж мог так сказать, т.к. по содержанию она заслуживает такой оценки". Какое же это содержание?

Стругацкая: Был трехчасовой допрос, я не помню таких своих слов.

Судья: Не три часа, а два. Кого-то вы обманываете - либо следователя, либо нас! Зачем же расписывались?!

Стругацкая: Это моя глупость. Честное слово, я говорю правду. Я не помню содержания статьи и не помнила его у следователя.

Судья снова обращается к Хейфецу с вопросом, зачем принес Стругацким статью, Хейфец повторяет уже говорившееся.

Адвокат /Стругацкой/: Какие отношения у Хейфеца с вашим мужем?

Стругацкая: Дружеские.

Адвокат: Кто из них на кого больше влиял?

Стругацкая: Взаимно. Уважительно.

Адвокат: А ваш муж носил Хейфецу свои работы?¹

Адвокат: Мнение вашего мужа имело значение для Хейфеца?

Стругацкая: По-моему, это было равноправной дружбой.

Адвокат: С какой целью он пришел к вам в тот раз?

Стругацкая: Чтобы муж оценил его труд.

Вызывается свидетель Воскобойников Валерий Михайлович, член СП и зав. отделом прозы в журнале "Костер".

Судья: Расскажите о ваших отношениях с Хейфецем.

Воскобойников: Отношения самые обычные, живем в одном доме, Хейфец - председатель жил.кооператива, познакомились год назад.

Судья: Передавал он вам что-нибудь?

Воскобойников: Когда-то зимой зашел и попросил послушать, как он написал статью о Бродском. Я сделал серьезные замечания, после этого думал, что он выбросил статью на помойку. Еще один раз он давал мне читать что-то, кажется, Альмарику /так произносит Воскобойников/, я прочел первую и последнюю страницы, это

1. В получ.копии ответ Стругацкой отсутствует.

было что-то типично графоманское, что-то про Китай. Он сказал мне, что собирается это выбросить.

Судья: Давал ли он вам читать "Хронику"?

Вос-в: Нет.

Судья: А "Просуществует ли Сов.Союз до 1984 года?"

Вос-в: Нет. А, кажется, вот так это и называлось!

Судья: А "Смоленск..."?

Вос-в: Да, было.

Судья: А "Хронику"?

Вос-в: Просто не помню. Что-то он приносил, но я не читал.

Судья: Когда это было?

Вос-в: Поздней осенью или зимой.

Судья: Что сказал?

Вос-в: Что собирается выбросить. На один час оставил у меня, но я тогда был очень занят.

Судья: Какова ваша оценка статьи?

Вос-в: Он зачитывал ее минут 30-40. Я ему сказал, что статья совершенно не верная, в политическом отношении враждебная по отношению к сов. власти, а ведь Бродский не политический поэт.

Судья: В чем видите ее враждебность?

Вос-в: Ну, например, там была оценка чехословацких событий, оценка деятельности органов КГБ.

Судья: Он у вас работал, в "Костре"?

Вос-в: Не при мне, я там всего год, а Хейфец работал там 4 года назад.

Судья: Почему он все же к вам принес, ведь вы вот инженер по специальности?

Вос-в: Он сказал, что хочет узнать мое мнение.

Судья: А вы что ему сказали?

Вос-в: Я уже сказал о враждебности /Чехословакия, КГБ/...

Судья: Ну, а начистоту - какая политическая направленность статьи?

Вос-в: Враждебная.

Судья: Вы об этом ему сказали?

Вос-в: Да, он поблагодарил, сказал, что подумает. Через неделю мы встретились, он сказал, что статья лежит, он ее не переделывал. Я думал, он ее просто выбросит на помойку.

Прокурор: Вы только что сказали, что Хейфец неоднократно подчеркивал свою лояльность к сов. власти. А какая была необходимость это делать? Вот я этого не делаю ни раз в день, ни раз в месяц или год... А почему на предварительном следствии вы не сразу стали давать показания?

Вос-в: Боялся, что попадет за чтение та к о й статьи... Ну и Хейфеца жаль было.

Прокурор /зачитывает/: "Решил дать правдивые показания. Статья произвела впечатление антисоветской, поэтому я понимал, что она может повредить Хейфецу". Так ли это?

Вос-в: Так.

Прокурор: И последнее. То он вам дает Самиздат, то собственное сочинение, антисоветское, злое. Вас не насторожило, что он все в одну точку бьет?

Вос-в: Хейфец вообще сложен и противоречив. Ведь он писал и о революционерах...

Прокурор: Кушать-то надо!

Вос-в: Нет, не от этого, он действительно много раз подтверждал свою лояльность. А человек сложный, странный: как-то мы шли из магазина, он разделся и в пруду выкупался...

Прокурор: Ну, это ладно... А вот помочь, поставить на ноги, вы же в какой-то степени должностное лицо! Вы смотрите, как он настойчиво, в одну точку бил все время. Но вы - вы же кресло занимали.

Вос-в: Хейфец и то и другое делал совершенно искренне.

Прокурор: Не сомневаюсь в искренности того, что он делал так настойчиво!

Адвокат: В итоге - что он вам передал за год знакомства?

Вос-в /снова перечисляет/: Альмарик, "Смоленск", "Хроника"...

Адвокат: Что вы из этого читали?

Вос-в: Ничего. Альмарика - первую и последнюю страницы.

Адвокат: Как долго они у вас пробыли?

Вос-в: Часа три. Он говорил, что хочет выбросить.

Адвокат: Что сказал вам Хейфец, прия, о статье?

Вос-в: Что хочет узнать мое мнение.

Адвокат: Вы были уверены, что он все выбросил. Почему сложилась такая уверенность?

Вос-в: Когда встретились, он сказал: "Да я забросил, оставил это дело".

Адвокат: С вашей критикой он соглашался или спорил?

Вос-в: Говорил, что подумает.

Адвокат: Можно ли сказать, что он антисоветски настроенный человек?

Вос-в: Уверен, что нет. Во-первых, его изданные произведения; комментировал действия сов.правительства как правильные; говорил, что только слепые и политически недальновидные люди могут выступать против сов. власти.

Судья /читает из показаний Воскобойникова на предварительном следствии слова об Амальрике "враждебное советскому строю произведение", Хейфецу/: Зачем приносили свидетелю эти материалы?

Хейфец: Он знает стихи Бродского. До этого я давал статью Емельянову, он подверг резкой критике. Воскобойников тоже говорил, что не верно. По-моему, я сказал не "подумаю", а "переделаю".

Судья: Чего же не переделали?

Хейфец: Не получилось. Для того и попросил у Марамзина третий том Бродского. /Воскобойникову/ Ты показал на предварительном следствии, что, давая Амальрика, я высказался об этом.

Вос-в: Да, что это "забавное" произведение.

Хейфец: Но не антисоветское! Я говорил: "Не люблю антисоветских произведений", имея в виду в первую очередь Белинкова, а не об Амальрике.

Судья: Почему не любите?

Хейфец: Потому что мне нужна в первую очередь информация. А вот мысли выбрасывать не было, там были какие-то забавные вещи.

Адвокат: Зачем вы дали Воскобойникову Амальрика? Просветить его?

Хейфец: Ни в коем случае!

Адвокат: Почему вас интересовало его мнение? У вас же есть свое?

Хейфец: Мне просто интересно было его мнение об этой вещи.

П Е Р Е Р Ы В

После перерыва вызывается свидетель Филатов Юрий Павлович, 1926 г.р., искусствовед /университет, две аспирантуры/, работает сторожем в таксопарке.

Судья: Что вам известно по настоящему делу? Знаете ли подсудимого?

Филатов: Да. Знакомство случайное, а два года назад встретились, когда оба гуляли с детьми. Я искал контактов для сына. "Приходите в гости!" - "Хорошо". Так и бывало. Дети как-то раскорились, я обиделся, год не бывал. После встретились, случайно. Как-то взял книжку, фантастику, прочел, принес - а у него обыск. Меня вызвали, спросили. Предпоследний раз я был у него примерно 20-23 марта, в руки мне попалась статья о Бродском. Посмотрел, он говорит: "Это все сырое", я быстро просмотрел, показалось - страниц десять. О поэте у меня представление слабое, я ему сказал: "Тут совершенно ненужные вещи, политические рассуждения". А он: "Верно, надо ее переделать в чисто академическом духе". А другая вещь - как-то я у него видел письмо Яковлеву в ответ на статью того о Солженицыне, напечатанную в "Литературке"¹. У Хейфеца были соображения, что эта статья дезориентирует читателя, он их и записал. Хейфец понимал, что меня эти вопросы не интересуют, я от них далек, не хочу соваться. Интересны были вопросы истории.

Судья: В каком виде была его статья о Бродском?

1. См. ст. Н.Н. Яковleva, д-р ист.наук, "Продавшийся. О предательской деятельности А.Солженицына", в "Лит.газ.", 20.2.74, полный текст "Продавшийся и простак" в газ. "Голос Родины", №13, февр.1974.

Фил-в: На машинке, черновик, исчеркан.

Судья: Что вы ему сказали?

Фил-в: Что мне не нравится вся эта политика и прочее.

Судья: Почему он дал вам статью? Что сказал, давая?

Фил-в: Повторяю: "Это все сырое".

Судья: Вы прочитали статью?

Фил-в: Повторяю: быстро пробежал.

Адвокат: Как все же статья оказалась в ваших руках?

Фил-в: Она лежала с кипой бумаг. Я сам потянул за лист, поинтересовался. Я сам ее взял.

Вызывается свидетельница Эткинд Мария Ефимовна

Судья: Эткинд Ефим Гиршевич - ваш отец? Он что - болен?

Эткинд: Да, у него стенокардическая болезнь.

Судья: Что вам известно по настоящему делу?

Эткинд: Прошу конкретных вопросов.

Судья: Как знакомы с подсудимым?

Эткинд: Живем в одном доме, знакомы с начала 74 года, до этого - шапочное знакомство. Познакомились у общих друзей в этом же доме, завязались дружеские отношения.

Судья: Передавал ли вам Хейфец что-либо для чтения?

Эткинд: Повесть об Александре Ульянове "Дорога на эшафот".

Больше ничего не читала.. .

Судья: Читали ли его статью о Бродском?

Эткинд: Не читала.

Судья: Когда вы передали отцу эту статью?

Эткинд: В этом году, по моему, в начале весны.

Судья: По поручению Хейфеца?

Эткинд: Это не было поручением, Михаил Рувимович дал мне статью, чтобы ее прочел отец.

Судья: Ну, хорошо, не поручение, а просьба; значит, вы выполнили просьбу и передали статью. А сами не читали?

Эткинд: Нет.

Судья: Что сказал отец?

Эткинд: Не вдавался в разговоры. Насколько я помню, критиковал, но, так как я не читала статью, то мне трудно.

Судья: В чем заключалась критика?

Эткинд: В том, что здесь меньше литературного анализа, чем общественно-политического.

Судья: Почему на предварительном следствии отрицали получение и передачу статьи?

Эткинд: Поскольку считала, что это меня компрометирует, считала, что раз я не читала, то это не существенно...

Судья: Вы хоть начинали читать?

Эткинд: Посмотрела первую страницу - мне не было интересно /грудной ребенок, очень занята.../.

Судья сравнивает с показаниями, данными Эткинд на предварительном следствии - там сказано "не дочитала".

Эткинд: Это вина следователя!

Судья читает нотацию об ответственности за дачу ложных показаний и пр.

Прокурор: Кому еще давали для ознакомления эту статью?

Эткинд: Никому.

Прокурор: Вспомните! А Загребе?

Эткинд: Не давала.

Прокурор: Когда заболел ваш отец?

Эткинд: Примерно в середине апреля.

Прокурор: С тех пор лежит, не ходит?

Эткинд: Я передала суду медицинскую справку, там все сказано.

Прокурор /Хейфецу/: К кому еще через свидетельницу попала ваша статья?

Хейфец: Я знаю только - к Ефиму Григорьевичу Эткинду.

Прокурор /Загребе/: Как к вам попала статья?

Загреба: Повторяю: пришел как-то к Марии Ефимовне посчитать пленку /это моя научная работа/, полез в стол за логарифмической линейкой, наткнулся.

Прокурор: Что же после того, как наткнулись?

Загреба: Как и сказал ранее - проглядел одним глазом.

Адвокат /Эткинд/: Не было ли у вас с Загребой разговора об этом?

Эткинд: Я и не знала, что он посмотрел.

Судья /Хейфецу/: Почему решили передать через свидетельницу?

Хейфец: Я очень мало был знаком с самим Е.Г. Эткиндом.

Вызывается свидетель Нафтульев, 1935 г.р., б/п, до прошлого года работал в журнале "Костер", теперь литературный работник по договорам.

Судья: Что вам известно по настоящему делу?

Наф-в: Мне известно немногое. Я повторяю то, что сказал на предварительном следствии. Знаком с Хейфецем с 1963, когда он пришел в журнал "Костер", стал перспективным автором этого журнала. Я был его редактором /его повести/, в журнале напечатано несколько его вещей. Он работал временно в редакции. Отношения между нами дружеские, мы виделись, но не регулярно.

На предварительном следствии я показал, что несколько лет назад Хейфец показал мне письмо в ЦК КПСС Щербакова, Смирнова, Утехина. Этот документ мы не обсуждали. В ходе предварительного следствия мне сообщили, что Хейфец дал мне несколько лет назад Амальрика. Я не могу вспомнить этого. Здесь что-то перепутано. Я сказал: "Если Хейфец считает, что это было, значит, так оно и было", но я не помню.

Судья: Вы много вообще читаете рукописей?

Наф-в: Да, и читаю, и пишу.

Судья: Вспомните все-таки, читали ли вы Амальрика?

Наф-в: Просто не знаю, что это такое. Либо Михаил Рувимович ошибается, либо так уж совсем я забыл. Если бы я не считал, что Михаил Рувимович порядочный человек, я бы просто отрицал.

Судья /Хейфецу/: Давали вы ему Амальрика или нет?

Хейфец: "Помнится, что-то давал, наверное, Амальрика" - так в моем протоколе, я не беру назад показаний, но вот как получается...

Судья: А еще что-либо давали?

Хейфец: Ну, вот Нафтульев помнит о письме троих в ЦК КПСС, но этого я не помню... Не могу твердо сказать, давал ли это письмо.

Конец заседания 10 сентября

Продолжение заседания - 12 сентября 1974 года

Судья говорит о свидетелях, так и не явившихся на заседание: Емельянов, Рольникайте, Рубашкин - в отпуске, Шумилова - в Москве, Е.Г. Эткинд - болен /дочь Эткинда передает справку о его болезни/; спрашивает Хейфеца, полагает ли он возможным продолжение заседания в отсутствие данных свидетелей. У Хейфеца и у защиты возражений нет. Спрашивает о том же прокурора, тот обращается к Хейфцу с вопросом, знаком ли тот с материалами, все ли верно. Хейфец отвечает, что все показания отсутствующих свидетелей соответствуют истине. Прокурор полагает, что можно продолжать.

Учитывая все это, судейская коллегия решает рассматривать дело в отсутствие неявившихся свидетелей.

Судья /Хейфцу/: Есть ли дополнения? Ходатайства?

Хейфец: Нет.

Прокурор: Подтверждается ли экспертизой?

Эксперт: Исследованы машинописные документы, статьи, фотокопии... Все заключения, данные мною в пяти экспертизах, подтверждаю.

Адвокат /эксперту/: Есть ли случаи, чтобы из шести документов, находившихся в поле зрения следствия, что-либо было напечатано не на машинке Хейфеца?

Эксперт: "Хроника текущих событий", письмо Григоренко и Костерина.¹

Судья /эксперту/: Чьей рукой написана рецензия Эткинда на статью Хейфеца?

1. М.б. ссылка на АС №93 - их обращение от 29.9.68 с протестом против ареста П.Литвинова и др.; др. возможности - АС №№132, 133.

Эксперт /долго ищет/: Рукой Е.Г. Эткинда.

Судья: А вы что, брали у Эткинда образцы?

Эксперт: Образцы были экспериментальные.

Судья: Есть ли дополнения у сторон?

Прокурор: Нет.

Адвокат: Есть вопросы к подсудимому. Те документы, о которых идет речь, согласны ли вы, что они содержат антисоветскую пропаганду?

Хейфец: Согласен.

Адвокат: А ваша статья?

Хейфец: В том виде, в каком осталась, - да.

Адвокат: Согласны ли, что давали читать эти документы, содержащие антисоветскую направленность?

Хейфец: Да.

Адвокат: Согласны ли, что это означало антисоветскую пропаганду?

Хейфец: Теперь, выслушав все, - да.

Адвокат: В начале предварительного следствия вы не признали вины, затем - частично, на нашем первом заседании, а сейчас?

Хейфец: Я привык доверять мнению квалифицированных людей. Согласно моему прежнему пониманию статьи 70, я своей вины не признавал. Сейчас, послушав, - да, я нарушил закон. Я признаю себя виновным полностью.

Адвокат: На предварительном следствии вы показали собственоручно: "Я лично стою за социализм, за советскую власть, признаю советскую власть историческим фактом, отвечающим мыслям и чувствам советского народа". Это отвечает вашим мыслям?

Хейфец: Да. И всегда так думал.

Судья: Как все-таки понять вас? На первом заседании вы не признавали свою вину. Ваше мнение, личное?

Хейфец: Я действительно искренне говорю. Я понимал слово "пропаганда" как сознательное распространение. Сейчас я понял, что если я просто передаю, то закон считает это преступлением.

Судья: Признаете ли себя виновным? Полностью?

Хейфец: Да. Видимо, неумышленно я это делал...

Судебное следствие закрыто. Приступают к слушанию сторон.

Прокурор: На скамье подсудимых человек, который избрал, который избрал своей специальностью литературный труд. С полным основанием можно отнести его к работникам идеологического фронта, к которым относятся требования ЦК КПСС /.../. Хейфец не только не находится на этих позициях, но наоборот, занимался антисоветской пропагандой и агитацией. Он совершил тяжкое преступление, его деятельность носила враждебный характер. Предварительным следствием установлено, что его деятельность антисоветская. С целью ослабления советской власти он систематически изготавливал, хранил и распространял заведомо ложные измышления, порочащие государственный и общественный строй. Амальрик - хранил два экземпляра, враждебное антисоветское произведение, передавал /.../. Фейнсон /о Смоленске/ - изготовил и хранил конспект, содержащий антисоветские мысли, клевету на политику КП в области сельского хозяйства, передал Воскобойникову и Загребе. Приобрел "Хронику", письмо Григоренко и Костерина, Белинкова, хранил с целью распространения; передал "Хронику" Воскобойникову; Григоренко и др. - Загребе. Все это подтверждается имеющимися в деле фотокопиями, заключениями экспертиз. Кроме того, эти обстоятельства подтверждаются показаниями свидетелей и самого Хейфеца. Не ограничившись чужими материалами, изготовил статью антисоветского содержания "Иосиф Бродский и наше поколение". В ней клеветнически утверждал, что Советский Союз - империалистическое государство. Ознакомил с ней... /перечисляет/. Все это подтверждено ... /перечисляет/. Это сочинение является враждебным, направленным против нашего строя и по существу очень мало отражает задачу написать о творчестве Бродского. Таковы факты.

Сначала он отрицал вину, но полностью признал факты. В первый день заявил нам, что не признает себя виновным. Сейчас на вопросы и суда и своей защиты заявил, что признает себя виновным, но с оговоркой, что в момент совершения не знал закона.

Т.судьи, характер деятельности человека определяется не только его собственной оценкой, а - объективно. Так вот, объективные обстоятельства свидетельствуют, что инкриминируемые действия совершились им сознательно и были направлены на ослабление сов.строя. Ни у кого нет сомнения в его эрудиции, образованности и т.п. Думаю, что подсудимый знал, что он делает. Да ему говорили об этом и его знакомые. Он ведь сам понимал, что дает Загребе, например, который "не продаст". Значит, понимал: есть, что скрывать. А распространял не только чужую литературу, но написал и свою!!! В идеологической борьбе третьего не дано! Либо защищаешь, либо ты враг! Факты, которые мы обсуждали, характеризуют его как врага. Здесь говорилось о его других произведениях. Ну что же, одно другое не исключает, что подешь, надо кушать, кормить семью... Двуличность? Да, иначе не назовешь. Он назвал себя инакомыслящим. Каждый защищается как может, можно было выбрать и более удачное словечко для прикрытия своей враждебной деятельности. Объяснение, что Самиздат - старый, а статья черновик... Закон преследует за содержание литературы, а не за внешний вид или сроки хранения. Ряд свидетелей, как здесь говорилось, не читали этого. Закон говорит только о распространении - не важен факт чтения или результат чтения. Закон говорит об умышленном распространении антисоветской литературы в целях подрыва и ослабления существующего строя. Среди кого он распространял? Хейфец говорит, что среди друзей. А закон в этом смысле рамок не устанавливает. Подсудимый сделал шаг, полшага, чтобы раскаяться. Но он еще не сказал того, что в его душе...

Есть два эпизода, которые прошу исключить, как не имеющие подтверждения: передача Нафтульеву Амальрика и чтение Загребой статьи Хейфеца - нет фактов, что это с ведома Хейфеца.

Обвинение учитывает и тяжесть преступления, и характеристики, данные подсудимому, и отношение его самого. Наказание преследует воспитательные цели, но эта мера, чтоб поставить на ноги, что ли, а здесь имеет место его честность, правдивость...

Хоть Хейфец и признал свою вину, но у меня нет уверенности, что это так. Он оговаривает, мол, понял все здесь, а что же 4,5 месяца предварительного следствия?! Он не хочет раскаяться, разоружиться полностью, поэтому у меня нет оснований считать, что он не нуждается в длительном заключении.

Обвинение требует ПЯТИ ЛЕТ СТРОГОГО РЕЖИМА /ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВАЯ КОЛОНДА/ и ДВУХ ЛЕТ ССЫЛКИ.

Адвокат: Столь суровая мера, предложенная обвинением, основана на том, что "не раскаялся". Представитель государственного обвинения говорит: "У меня нет уверенности..." и т.д. Это субъективная оценка. Это приговор, который превышает почти в два года срок, данный людям, чьи материалы он распространял, и не соответствует составу преступления, раскаянию, личности подсудимого. Он активно способствовал установлению истины по делу. Тов.прокурор, очевидно, забыл или не учел поведения Хейфеца на очных ставках, когда Хейфец сам напоминал свидетелям, а не наоборот, как это бывает. Он и на предварительном следствии утверждал, что в его действиях не было умысла. Говорить, что он не разоружился, это просто не понимать Хейфеца, за которым четыре месяца наблюдали и следователь, и прокурор. Хейфец считал, что лица, которым он давал читать, в состоянии критически отнестись к тому, что он дает. Свою статью он считал неудачной, забраковал, она пошла в архив. Это ничем не опровергнуто, но об этом я еще скажу... С точки зрения чисто юридической тов. прокурор прав, Хейфец понял, но к сожалению, слишком поздно. Особенность литературного труда - хранение часто и антисоветских сочинений. Закон не возбраняет работу с таковыми, "когда хранятся с целью критического анализа", закон не преследует этого. Если бы письмо Беликова /произносит с ударением на первом слоге/, работа Файнсода и прочие помогли ему создать литературный образ, разоблачающий сущность таких взглядов! Беда же в том, что он это передал другим - так, для интереса. Хейфец достаточно понял... Он понял, что его судят за распространение, что передача любому лицу советского или антисовет-

ского произведения /хоть одного/ - это уже пропаганда. Защита считает необходимым обратить внимание на то, что обойдено обвинением. Все эти сочинения оказались поначалу у него не для распространения. Ведь за четыре года они побывали в руках только двух человек - Воскобойникова и Загребы. Можно ли говорить, что он их приобрел специально? То, что он все же передал их, это преступление, и он сам это понимает. Нафтульев - это обстоятельство не подтверждено, но тут важно, что Хейфец сам назвал и Нафтульева. То есть Хейфец мог перепутать, но тут ведь такое поведение Хейфеца свидетельствует об искренности! Итак, остается 4 года - и два человека! Вот и весь объем преступлений! Не имеет юридического значения, говорит тов.прокурор, кому и при каких обстоятельствах передал. Возможно, юридически и не имеет, но чтоб понять Хейфеца - имеет. Кто такой Воскобойников? - Коммунист. Хейфец занес ему материалы по пути в магазин, а идя из магазина забрал. Загреба - человек с высшим образованием, знакомство на основе медицинских статей, да ведь и материалы, данные ему, были самые разные, то есть сам Хейфец предлагал Загребе и то и другое. Юридически, говорит прокурор, не имеет значения, читали ли свидетели. Да. Но юристы не могут не говорить о последствиях, значение имеет все же, что за этим последовало. Я все это говорю, чтобы был понятен объем того, что совершено. Сводится по сути к тому, что Хейфец дал то-то и то-то двум людям, один из которых не читал, другой - уничтожил. Очевидно, все же главное - это его статья. Хейфец утверждает: не собирался издавать, бросил в архив и т.д. Это утверждение никак не опровергнуто. Забрав статью от Марамзина, он никак не пытался что-то с ней сделать. Передача статьи - в связи с этим встает вопрос о праве писателя на критику товарищами, об обращении к ним и т.д. Отрадно, что все наши литераторы критиковали статью. И Хейфец, и я должны их всех благодарить. Этим они предостерегли его от больших бед, ошибок. Хейфец не учел, что надо отличать проблемы, поражаемые трудностями нашего развития, от подлинных. Прокурор сказал,

что третьего не дано, а мне вспомнились крылатые слова Кирова о том, что прошли времена вопросов, нравится ли вам сов. власть, теперь вопрос - нравитесь ли вы ей. Понял в антисоветский характер статьи, он, конечно, не должен был продолжать передавать ее, ведь там, явно, были антисоветские взгляды. Это - уже преступление, и я с удовольствием констатирую, что Хейфец это понял. Кстати, понял и на предварительном следствии, не только на суде.

Хейфец понял, что не прав и по существу. Он говорил: я не антисоветски настроенный человек, а заблудшая душа, ссылаясь на слова Л.И.Брежнева. Есть показания и других: Стругацких, Воскобойникова, которые говорили, сознавая свою ответственность и расписавшись, что он не антисоветский человек. Хейфец писал о революционерах. И вдруг такая статья! Как это объяснить? Я мучался. Это объяснить можно только словами Писарева: "В человеке могут возникнуть и низкие мысли, побуждения, однако это вовсе не значит, что они выражают нравственную природу человека"¹. Есть два Хейфеца. Его истинная природа - в его серьезных работах. Заявлять, что они сделаны только ради куска хлеба, из двуличия - это не соответствует действительности!!! Одна статья - или сорок опубликованных работ!!! Несправедливо утверждение обвинителя!

Думаю, что все им написанное должно как-то лечь на чашу весов Фемиды, а на другой - его статья о Бродском, Амальрик и пр. Пусть стрелка весов будет мерилом личности. Ведь, кстати, статью о Бродском прочли 11-12 человек, а напечатанное - сотни тысяч.

Содержание статьи 70 УК РСФСР сопоставьте с совершенным Хейфецем. В этой статье есть и потолок, но есть и низший предел, в ней есть и шесть месяцев, и просто высылка /адвокат подробно говорит о ст.70/. Надеюсь, вы воспримите не в той интерпретации, что предложил прокурор. Вы все учтете. И что Хейфец - больной человек, сердечник, уже лежал в больнице с предположением на инфаркт. Надеюсь, что силу правосудия вы продемонстрируете гуманностью советского правосудия!

/Аплодисменты зала/

1. Цитата не проверена.

3:37

Прокурор: Защита утверждает, что я не принял во внимание признание Хейфеца, которое он сделал в конце. Я ошибся. Он не сделал и полшага! Антисоветская пропаганда по неосторожности совершена быть не может. Нет, он понимал, что делал. Это не признание, он не раскаивается! Это государственное преступление, и преступник должен нести ответственность.

Адвокат: Я благодарен прокурору, что он прощает мне мою "запальчивость" /об этом было в словах прокурора/. Он забирает назад даже полшага! /Смех/ Умысел я признал сразу, убежден, что понял это и Хейфец. Теперь, когда он все правильно оценил, понял, нельзя, не веря его искренности, просить определить ему наказание, почти в два раза превышающее то, которое предусмотрено для тех, кто написал эту литературу. Я не прошу "ниже низшего" /ст.43/, прошу действовать в рамках закона - шесть месяцев или вообще высылка.

Конец заседания от 12 сентября 1974 года.

Заседание 13 сентября 1974 года

Хейфец: Говорит о том, что честен, осознал все, о семье, детях. Я совершил ошибку и пытался ее исправить, снова преступая закон. Я не нанес вреда государству, только - себе. "Лжи за мной не было, не было и двуличия". Единственное, что удивляет, после того как я осознал свою вину, это суворость той меры, которую предложил государственный обвинитель. Просит о снисхождении.

Суд удаляется на совещание /полтора часа перерыв/. Объявляется приговор - четыре года строгого режима и два года ссылки.

1. "Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом".

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К АС №1934

- Амальрик Андрей, 2, 4, 6-7, 12, 19-23, 26, 29, 30, 33
Беликов (Аркадий), 4, 6, 22, 29, 31
Болонкин Александр см. Васильев
Брежнев Л.И., 4, 33
Бродский Иосиф, 2-10, 13-16, 18-24, 27-29, 31-33
Васильев (?=А., автор АС №№1670, 1671, псевд. Александра Болонкина, арестован. в М-ве 21.9.72 и осужден. 23.11.73: см. "Хр." №29, 30), сент.74 - сосед М. Хейфеца по камере в Л-де, 7
Воскобойников Валерий Михайлович, член СП и КЛСС, зав. отделом прозы в журн. "Костер", инж. по специальности, 10.9.74 - свидетель на проц. М.Хейфеца, 1-3, 11, 19-23, 29, 32, 33
Глаголева Раиса Владимировна, жена М.Хейфеца, 7
Григоренко Петр Григ., 4, 27, 29
Державин (Гаврила Романович, 1743-1816, поэт), 9
Домбровский, автор статьи, переданной Загребе Хейфецем, 11
Емельянов, лит-вед, член КПСС, друг и сосед М.Хейфеца, 9-13.9.74 - неявившийся свидетель на проц. Хейфеца, 1-3, 22, 27
Загреба Владимир Алексеевич, врач (о нем см. "Хр." №32, АС №2080:12), 10.9.74 - свидетель на проц. М.Хейфеца, 1-2, 4, 11-13, 25-26, 29, 30, 32
Зеркин, защитник М.Хейфеца 9-13.9.74 (защитник Виктора Богуславского 11-20.5.71: см. "Хр." №20), 1, 5-6, 9-10, 13, 15-17, 19, 21-24, 26-29, 31-34
Карлов (О.В., зампред. Ленгорсуда, судья на проц. Ю.Гендлера и др. в дек.68, - Г.Силивончик и Ю.Васильева в окт.69, - Ю.Мельника в июне.72 и - Г.В. Давыдова и В.В. Петрова 10-16.7.73: см. "Хр." №№5, 16, 26, 29, АС №1820), 9-13.9.74 - судья на проц. М.Хейфеца, 1, 4, 6-8, 10-15, 17-20, 22-29, 34
Карпов, 9-13.9.74 - нар.зас. на проц. М.Хейфеца, 1 (и м.б. 2, 13, 15)
Кирк Егор, его подпись под статей о Бродском, 10
Киров (м.б. Сергей Миронович, 1886-1934), 33
Косенко, нар.зас. на проц. М.Хейфеца, 1 (и м.б. 2, 13, 15)
Костерин (Алексей), 27, 29
Левитин (Карл, из М-вы: см. "Хр." №32), 9-13.9.74 - неявившийся свидетель на проц. М.Хейфеца, 1-3
Малышева, 9-13.9.74 - эксперт на проц. М.Хейфеца, 1, 27-28
Марамзин Владимир Рафаилович, 9-13.9.74 - свидетель на проц. М.Хейфеца, 2-3, 6-10, 22, 32
Нафтульев, р.1935, б/п, сотр. журн. "Костер" 1963(?)73, 10.9.74 - свидетель на проц. М.Хейфеца, 26-27, 30, 32
Пинскер, 9.9.74 - М.Хейфец говорит, получил весь Самиздат от него, 4, 7
Писарев (вероятно = Дмитрий Иванович, 1840-68, публицист, философ-материалист), 33
Пономарев, (зам.прокурора Л-да по надзору, обвинитель на проц. 9-ти "околосамолетчиков в мае.71, - на проц. Г.В. Давыдова и В.В. Петрова 10-16.7.73: см. "Хр." №20, АС №1820:1), 9-13.9.74 - прокурор на проц. М.Хейфеца, 1, 5-9, 13, 15-17, 21, 25, 27-34
Рольникайте М(ария) Григорьевна (Маша Гиршо, писательница, член СП СССР), 9-13.9.74 - неявившийся свидетель на проц. М.Хейфеца, 3, 27
Рубашкин, 9-13.9.74 - неявившийся свидетель (в отпуске) на проц. М.Хейфеца, 1, 27
Рябчук Виталий Н., майор КГБ (вел следствие по "Делу №15": см. "Хр." №32), 8
Смирнов, соавтор с Щербаковым и Утехиним письма в ЦК КПСС, 26-27
Солженицын А.И., 23
Стругацкая Аделаида А., жена Бориса Стругацкого, 10.9.74 - свидетель на проц. М.Хейфеца, 11, 17-19, 33

Стругацкий Борис Натанович,
10.9.74 - свидетель на проц.
М.Хейфеца, 1-3, 5, 11, 14-
19, 33

Ульянов Александр Ильич, по-
весть М.Хейфеца "Дорога на
эшафот" о нем, 6, 24
Утехин, соавтор с Щербаковым и
Смирновым письма в ЦК КПСС,
26-27

Фейнсон (Мерл, амер.историк),
автор кн. "Смоленск под
сов.властью", 2, 4, 6, 12,
20-21, 29, 31

Филатов Юрий Павлович, р.1926,
искус-вед, сторож в таксо-
парке, 9-13.9.74 - свидетель
на проц. М.Хейфеца, 1-2, 4,
11, 23-24

Хейфец Михаил Рувимович (р.
1934, историк и писатель),
9-10, 12-13.9.74 Ленгорсудом
осужден на 4 г. лаг.стр.реж.
+ 2 г. ссылки, 1-34

Хейфец Раиса см. Глаголева

Шумилова, из М-вы, 9-13.9.74 -
неявившийся свидетель на проц.
М.Хейфеца, 27

Щербаков, соавтор с Смирновым и
Утехиным письма в ЦК КПСС,
26-27

Эткинд Мария Ефимовна, мать груд-
ного ребенка, 9-13.9.74 - сви-
детельница на проц. М.Хейфеца,
1, 3, 13, 24-27

Эткинд Ефим Григорьевич (также
Гиршевич), 9-13.9.74 - неявив-
шийся свидетель (больной) на
проц. М.Хейфеца, 1-2, 10, 13,
24-28

Яковлев (Н.Н., д-р ист.н., автор
статьи о Солженицыне в "Лит.
газ." от 20.2.74), о письме М.
Хайфеца ему, 23